

Станислав Оушен
Вы меня не знаете

https://litres.ru/74843524
SelfPub; 2026

Аннотация

На первом приёме психолог Илья слышит историю о человеке, который стоит за чужой дверью и слушает смех. Похоже, речь о ревности. Но после следующей встречи собеседник просит администратора передать Илье, что он правильно помнит лестницу и ошибается этажом.

Потом Илье анонимно присылают фотографию. Ему кажется, что он узнаёт лицо в тёмном оконном стекле. Следом приходит сообщение о красном конверте, который много лет лежит у Ильи в ящике. На конверте стоит его имя. Он уверен, что помнит ночь, когда забрал письмо. Человек напротив помнит её иначе.

Содержание

ГЛАВА 01. Первый приём 4
ГЛАВА 02. Про любовь 22
ГЛАВА 03. Мне нравится, когда ревнуют 35
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Станислав Оушен
Вы меня не знаете

ГЛАВА 01. Первый приём

— Не знаю, нужно ли мне сюда.

Эту фразу произносят чаще, чем «здравствуйте». Иногда с вызовом, иногда почти извиняясь. Сегодня она прозвучала так, будто человек по другую сторону стола заранее знал мой ответ и теперь проверял, совру ли я.

— Тогда начнём с этого, — сказал я. — Что заставило вас записаться?

Ответа не последовало.

В кабинете стоял тихий гул вентиляции. На подоконнике остывал чай, который я не успел допить после предыдущего приёма. За окном моросило. На улице был тот час, когда город ещё не включил вечерние огни, но уже устал выглядеть дневным.

Посетитель сидел в кресле напротив. Пальто лежало на спинке. Телефон — экраном вниз, у самого края столика, на расстоянии вытянутой руки.

— Вы всегда так делаете?

— Как?

— Не спрашиваете, что случилось. Спрашиваете, почему

человек пришёл.

— Между этими вопросами есть разница.

— Для вас.

— И для вас тоже. Но мы пока не знаем, какая.

На мгновение мне показалось, что сейчас будет улыбка. Вместо этого посетитель посмотрел на часы.

До конца сеанса оставалось сорок семь минут.

В записи стояло только имя. Я пока не называл его вслух.

— Меня отправили.

— Кто?

— Человек, который считает, что знает меня лучше всех.

— И вы с этим не согласны?

— Не знаю. Возможно, проблема в том, что этот человек действительно знает слишком много.

Я потянулся к блокноту, но не открыл его.

— Можете рассказать о нём.

— А если это не «он»?

— Тогда расскажите о человеке.

Впервые за разговор посетитель откинулся на спинку кресла. Вопрос был маленькой ловушкой, настолько привычной, что в неё легко было попасть. Я не попал, и это явно разочаровало.

— Вам, наверное, постоянно врут, — сказали мне.

— Бывает.

— И вы понимаете, когда?

— Не всегда.

— Даже если человек смотрит прямо в глаза?

— Особенно тогда. Взгляд ничего не доказывает.

Посетитель задумался.

— Хорошо, — последовало наконец. — Значит, у нас есть шанс.

Слово «у нас» прозвучало неожиданно. Я отметил его про себя, не записывая.

— Шанс на что?

— Чтобы вы сначала поверили. А потом разобрались.

Я посмотрел на часы. Не потому, что торопился, а чтобы не показать интерес раньше времени.

— Попробуем наоборот: сначала разберёмся.

— Вот видите. Вы уже хотите исправить мою историю.

— Я ещё её не слышал.

— Именно.

Телефон на столике коротко завибрировал. Посетитель даже не посмотрел в его сторону. Ещё один звук, тише первого. Кто-то настойчиво писал сообщения.

— Хотите ответить?

— Нет.

— Это может быть важно.

— Важно было час назад. Сейчас уже поздно.

Мы снова замолчали.

Я привык к тому, что первая встреча редко начинается с главного. Люди рассказывают о работе, бессоннице, разводе, внезапной усталости. Настоящий вопрос появляется позже

— иногда в самом конце, когда рука уже тянется к дверной ручке.

Но сегодня человек напротив словно принёс главный вопрос с собой и держал его в кармане, не решаясь достать.

— Давайте о чём-нибудь простом, — предложил я. — Как прошёл ваш день?

— Сегодня пришлось стоять у двери чужой квартиры.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Зачем?

— Нужно было убедиться, что там всё ещё живут.

— Кто именно?

— Один человек.

— И вы позвонили?

— Нет. Хотелось послушать.

— Что?

— Как внутри смеются.

Я не перебивал.

— Понимаете, есть такой смех, который узнаёшь из тысячи. Даже через дверь. Даже когда за дверью работает телевизор и кто-то разговаривает. И ты знаешь: всё в порядке. Человек живёт. Ест, шутит, строит планы. Не оглядывается каждые пять минут.

— Вас это обрадовало?

Посетитель повернул голову к окну.

— Должно было.

Ответ не совпадал с интонацией. В нём не было ни облег-

чения, ни злости. Только усталость человека, который слишком долго репетировал правильную реакцию.

— Почему не позвонили? — спросил я.

— Потому что было обещание не приходить.

Я оставил вопрос об обещании на потом.

— А к двери всё-таки пришли.

— Да.

— Как это объясняете себе?

— Обещание не нарушено. За порог никто не заходил.

На столике снова зажужжал телефон. Теперь три раза подряд. Посетитель перевернул его экраном вверх, взглянул и тут же выключил звук.

— Вас ищут? — спросил я.

— Меня всегда ищут, когда я наконец остаюсь без компании.

— Кто пишет?

— Спросите лучше, кто не пишет.

Я улыбнулся, но собеседник не поддержал улыбку.

— Есть что-то, чего вы боитесь от этих сообщений?

— Того, что в этот раз меня попросят сказать правду.

— А раньше не просили?

— Раньше ответы всегда находились такие, чтобы всем становилось спокойнее.

Я всё-таки раскрыл блокнот.

— Можете привести пример?

— Конечно. «Со мной всё хорошо». «Я уже дома». «Не

переживай, это случайность». «Мы просто разговаривали». Такие вещи.

— И они были неправдой?

— Не все. В этом и удобство хорошей лжи. Она состоит из очень маленьких правд.

Я записал последнее предложение.

— Вот, — заметил посетитель. — Наконец-то вам стало интересно.

— Вы хотите меня заинтересовать?

— Нет. Хочу понять, сколько мне понадобится времени.

— Для чего?

— Чтобы вы начали смотреть на меня иначе.

В любом кабинете психотерапевта есть вещи, которые незаметно задают правила. Два кресла. Закрытая дверь. Часы на стене. Коробка бумажных салфеток. Человек платит за право говорить, а специалист — за обязанность слушать.

Но правила никогда не бывают одинаковыми для двоих.

— А как я смотрю сейчас? — спросил я.

— Как на того, кто пришёл с проблемой.

— А это не так?

— Причина моего визита — чужая проблема.

В коридоре хлопнула входная дверь. Кто-то из соседнего офиса прошёл мимо, разговаривая по телефону. На несколько секунд обычный мир громко напомнил о себе, и напряжение между креслами чуть ослабло.

— Расскажите о ней.

— О проблеме или о человеке?

— С чего вам проще.

— С человека проще. Только потом вы скажете, что это выдумка.

— Не скажу, пока не услышу.

Посетитель провёл пальцем по шву на подлокотнике кресла.

— Мы познакомились не там, где обычно знакомятся. Не на работе и не через друзей. Мы просто оказались рядом в неправильный момент. Знаете, как бывает: один день мог пройти иначе, и люди никогда бы не узнали друг друга.

— Какой это был момент?

— Там были слёзы.

— Кто?

— Я не хочу пока говорить.

— Хорошо.

— Правда?

— Мы не обязаны сразу открывать всё.

Собеседник нахмурился.

— Вы и правда считаете, что человек может выбирать, сколько правды говорить?

— Здесь — да.

— А вне кабинета?

— Там последствия выбора тоже принадлежат ему.

Посетитель тихо усмехнулся.

— Вот это было бы удобно.

— Что именно?

— Если бы последствия всегда доставались тому, кто выбирал.

За окном дождь усилился. Капли стекали по стеклу, разделяя отражение комнаты на неровные полосы. В одной из них я видел край своего лица; дальше — тёмный силуэт напротив. Если бы кто-нибудь наблюдал за нами с улицы, он увидел бы двух людей, беседующих о чём-то совершенно будничном.

— Что вы сделали? — спросил я.

Ответ пришёл не сразу.

— Ничего такого, что нельзя объяснить.

— Но вы пришли сюда.

— Потому что объяснения закончились.

Наконец посетитель взял телефон. На экране мелькнула фотография, но я не успел разглядеть её. Палец остановился над сообщением.

— Можно спросить вас кое о чём? Не как специалиста.

— Попробуйте.

— Если человек любит, он имеет право знать всё?

Вопрос был поставлен уверенно, почти резко. И всё-таки за ним слышалась просьба не отвечать слишком быстро.

— Любовь не даёт права на чужую жизнь целиком, — сказал я. — Но отношениям трудно выдержать постоянный обман.

— Это два разных ответа.

— Потому что вы задали два вопроса в одном.

Посетитель опустил глаза.

— А если правда разрушит человека?

— Вы уверены, что разрушит?

— Знаю, что изменит.

Я не стал спрашивать, что именно скрыто. Вместо этого уточнил:

— Вы пытаетесь защитить этого человека или себя?

Впервые собеседник не нашёл быстрой реплики.

Потом спросил:

— А разве есть разница, если больно будет обоим?

На секунду я вспомнил, как однажды услышал почти те же слова. Другая комната, другой голос, другая история. Тогда я слишком поспешил с ответом. Теперь поспешность казалась особенно опасной.

— Разница есть, — сказал я. — Просто вам может быть трудно её увидеть.

Посетитель кивнул, словно услышал ожидаемое.

— Мне говорили, что вы хороший психолог.

— Кто?

— Тот самый человек.

Я положил ручку на блокнот.

— Вы говорили, что вас сюда отправили. Это один и тот же человек?

— А вы как думаете?

— Я бы предпочёл услышать ответ от вас.

— Тогда не сегодня.

Двадцать восемь минут оставалось до конца сеанса. В других обстоятельствах этого было бы достаточно, чтобы поговорить о границах, ревности, страхе потери. Но все эти слова слишком хорошо подходили любой истории. Мне хотелось понять не тему, а причину, по которой человек напротив так тщательно обходил некоторые факты.

— Вы специально не называете имён? — спросил я.

— Да.

— Почему?

— Потому что как только назовёшь имя, история перестанет быть твоей.

— Это красивое объяснение.

— Неправдивое?

— Не знаю.

— Привыкайте, — ответили мне.

На этот раз улыбка всё-таки появилась. Быстрая, почти тёплая. Сразу стало видно, каким убедительным бывает этот человек, когда хочет.

— Давайте вернёмся к квартире, — предложил я. — Вы слушали смех за дверью. Что было потом?

— Потом зазвонил мой телефон.

— Тот же человек?

— Нет.

— Кто-то другой?

— Да.

— Вы ответили?

— Пришлось.

— Что сказали?

Посетитель перевёл взгляд с телефона на меня.

— «Я уже дома».

Я медленно закрыл блокнот.

— Значит, это одна из тех маленьких неправд?

— Нет, — спокойно прозвучало в ответ. — В тот момент это действительно был мой дом.

Мы помолчали.

Возможно, речь шла о доме, в котором человек больше не жил, но продолжал считать своим. Возможно, о квартире за дверью. Возможно, о чём-то ещё. Я не уточнил сразу — и заметил, что собеседник ждал именно этого вопроса.

— Вы хотите, чтобы я нашёл противоречие, — сказал я.

— А вы нашли?

— Пока я нашёл два высказывания, которые могут значить разное.

— Хорошо. Значит, вам не всё равно.

— Мне не всё равно, что вы пытаетесь сообщить.

На улице завыла сирена, быстро удаляясь.

— Иногда я думаю, что всё началось со слов «это только между нами», — произнёс посетитель. — Забавно, правда? Так обычно говорят, когда хотят сделать человеку приятно. Как будто доверяют что-то особенное. А на самом деле дают ему вещь, которую он потом обязан носить с собой.

— Секрет?

— Чужую ответственность.

— Вам доверили секрет?

— Можно сказать и так.

— И вы не сохранили его?

— Секрет остался при мне слишком надолго.

Я записал эту фразу не сразу. Сначала подождал, не последует ли объяснение. Но посетитель просто сидел, рассматривая собственные руки.

— Кому вы обещали молчать? — спросил я.

— Если назову, вы решите, что дело в ревности.

— А разве нет?

— Ревность — это удобно. Сказал, что ревновал, и люди сразу всё поняли. Почему следил. Почему проверял. Почему злился. Даже почему хотел сделать больно. Они начинают спорить, можно ли так любить, и совсем забывают спросить, было ли это любовью.

— А было?

— Не знаю. Может, вы мне скажете.

— Не думаю, что это моя задача.

— Тогда зачем мне сюда приходить?

— Чтобы вы смогли ответить себе без моей подсказки.

Посетитель задумчиво покачал головой.

— Как же вы, наверное, всех раздражаете.

— Иногда.

— Меня — уже.

Эта реплика прозвучала почти дружелюбно. Мы впервые засмеялись одновременно, но смех быстро кончился.

Потом собеседник неожиданно спросил:

— Вы когда-нибудь путали заботу с контролем?

Я ответил не сразу.

— Да. Как многие люди.

— И что делали?

— Старался замечать разницу.

— Получалось?

— Не всегда.

— Тогда, может быть, вы меня поймёте.

— Возможно.

Посетитель подался вперёд.

— Представьте, что вы знаете о человеке кое-что важное. Человек собирается совершить ошибку. Вы можете остановить. Одним разговором, одним сообщением, одним звонком. Но для этого придётся признаться, откуда вам известно то, чего вы знать не должны.

— Что будет, если вы не вмешаетесь?

— Человеку причинят боль.

— А если вмешаетесь?

— Станет ясно, что всё это время я рядом.

— И это плохо?

— Для меня — возможно.

— А для другого человека?

Собеседник посмотрел прямо на меня.

— Вот этого я не знаю.

Мне захотелось уточнить, что здесь значит «рядом». У двери? В чужой переписке? В семье? В жизни, откуда тебя попросили уйти? Но я удержался. Сейчас важнее было не разгадать загадку, а понять, зачем она мне предлагается.

— Какую помощь вы хотите получить? — спросил я. — Не вообще. Сегодня.

Посетитель снова взглянул на часы.

— Хочу, чтобы хотя бы один человек выслушал историю до конца.

— Хорошо.

— И чтобы не решал заранее, кто в ней плохой.

— Я постараюсь.

— Не обещайте того, чего не можете выполнить.

— Вы правы. Я могу обещать другое: когда у меня появится предположение, я скажу, что это предположение. Не факт.

Собеседник медленно кивнул.

— Тогда договорились.

Телефон вспыхнул в очередной раз. На этот раз посетитель взял его и что-то быстро напечатал. Я отвёл взгляд к окну.

— Извините, — прозвучало.

— Всё в порядке.

— Нет, не в порядке. Ведь было обещание не отвечать во время встречи.

— Кому?

— Себе.

Телефон снова лёг экраном вниз.

— Что вы написали? — спросил я.

— Всего три слова.

— Какие?

— «Я на месте».

Меня насторожило не содержание, а то, как человек произнёс эту фразу: чётко, будто отчитываясь.

— Здесь?

— А где же ещё?

Я не ответил.

В нашем разговоре уже было несколько мест, где объяснение казалось понятным, пока собеседник не добавлял одно короткое предложение. «Это действительно был мой дом». «Я на месте». «Секрет остался при мне слишком надолго». Эти фразы можно было собрать в историю о несчастной любви. Но с тем же успехом — в совершенно другую.

— В начале встречи вы сказали, что пришли из-за чужой проблемы, — напомнил я.

— Да.

— А сейчас говорите, что хотите рассказать свою историю.

— Чужая проблема и есть моя история.

— И кто от этого страдает?

Посетитель улыбнулся без радости.

— Хотите честно?

— Да.

— Пока не тот, кто должен.

Я положил ручку. Мне нужно было понять, слышу я обиду или угрозу.

— Что вы имеете в виду под словом «должен»?

— Вот теперь вы испугались.

— Я хочу понять.

— Считайте, что это была плохая шутка.

— А если не шутка?

Собеседник опустил глаза на ковёр.

— Тогда мне тем более нужно, чтобы вы дослушали.

До конца встречи оставалось семь минут.

— Вы собираетесь причинить вред этому человеку или кому-то ещё?

— Нет.

— Себе?

— Нет.

— У вас есть конкретный план сделать кому-либо больно?

— Нет. Если бы был, разговор сейчас проходил бы не здесь.

Я удержал взгляд на собеседнике ещё несколько секунд. Ответы были ясными, но одна беседа не давала оснований для окончательных выводов. Эту тему следовало проверить снова, если мы продолжим работу.

— На следующем приёме я хочу вернуться к этому разговору, — сказал я.

— Значит, следующий приём всё-таки будет?

— Если вы захотите.

— А если нет?

— Это ваш выбор.

— Вы всё время говорите так, будто у меня есть выбор.

— А вы считаете иначе?

Посетитель поднялся только после того, как я указал на время. Пальто было надето быстро, без суеты. У двери человек остановился и посмотрел на пустое кресло, в котором только что сидел.

— Скажите, вы помните всех, кто к вам приходит?

— Не всех одинаково.

— А меня запомните?

— Думаю, да.

— Не спешите с этим.

Рука легла на дверную ручку.

— Почему?

— Потому что первое впечатление обо мне обманчиво.

— Большинство людей сложнее первого впечатления.

— Нет, — прозвучало тихо. — Речь не об этом.

Дверь открылась.

— Тогда о чём?

— На следующей встрече расскажу. Начну с любви, чтобы вам было проще.

После этих слов посетитель вышел.

Я остался в кабинете ещё на несколько минут. Заполнил

карточку: первая консультация, запрос не сформулирован, выраженная осторожность в раскрытии личной информации, повторяющиеся темы секретов, контроля, вины и близости. Отдельно отметил ответы на прямые вопросы о намерении причинить вред. Ничего, что могло бы заменить дальнейшую оценку.

Затем нашёл номер для следующей записи.

Номер был указан в анкете, но рядом с ним стояла короткая пометка администратора: «Просьба не перезванивать».

Я перечитал её дважды.

Всё-таки не удержался и открыл страницу с данными записи. Там было ещё одно поле: «Кто рекомендовал специалиста?»

Ответ состоял из двух слов.

«Вы сами».

Я посмотрел на закрытую дверь.

Я не помнил этой рекомендации.

ГЛАВА 02. Про любовь

На следующую встречу человек пришёл на восемь минут раньше.

Я узнал об этом по голосу администратора в коридоре. Она предложила чай, получила вежливый отказ и, понизив голос, сказала, что можно подождать у окна. Кабинет ещё был занят мной: я пытался разобраться с записью, где в графе рекомендаций значилось «Вы сами».

Я не помнил, чтобы кому-то советовал обратиться именно ко мне. Это не было невозможным. На открытой лекции, в случайном разговоре, через знакомых — я мог назвать фамилию и адрес кабинета. Меня смущала не запись, а уверенность, с которой посетитель произнёс в прошлый раз: «Тот самый человек». Словно хотел, чтобы я соединил две не связанные пока вещи.

Администратор, Анна, заглянула в дверь.

— Следующий пациент уже здесь. Приглашать?

— Через минуту. Аня, это вы вписали рекомендацию в анкету?

Она посмотрела на экран.

— Нет. Человек заполнял онлайн. Вы же просили не уточнять лишнее до первой встречи.

— Просил. Спасибо.

Я открыл чистую страницу блокнота, как открывают окно

в душном помещении. В прошлый раз записей было слишком много; сегодня я хотел больше слушать.

Когда посетитель вошёл, мне показалось, что что-то изменилось. Не одежда и не выражение лица — скорее манера держать паузу. На первой встрече молчание служило щитом. Сейчас человек оглядел кабинет так, словно вернулся туда, где однажды оставил важную вещь.

— У вас переставлен столик.

— Немного.

— В прошлый раз телефон лежал ближе к двери.

Я вспомнил: действительно, столик раньше стоял справа. Уборщица передвинула его, а я не вернул на место.

— Вы хорошо замечаете детали.

— Людям кажется, что это достоинство. Пока не оказывается, что я замечаю и то, чего они предпочли бы не показывать.

Мы сели.

— Вы обещали начать с любви, — напомнил я.

— Помните про обещание?

Вопрос прозвучал как проверка. Я не сразу понял, чего от меня ждут.

— Я помню, что обещание было. Только не знаю, умею ли выполнять обещания правильно.

— Начните так, как получится.

— Хорошо. Что для вас любовь?

— Сегодня меня интересует ваше определение.

— Вы всегда возвращаете вопрос?

— Когда он помогает избежать вашего ответа.

Посетитель улыбнулся.

— Тогда вот вам ответ: любовь — это когда знаешь, где у другого человека лежат запасные ключи.

Я подождал.

— Не потому, что тебе их доверили, — продолжил собеседник. — Просто знаешь. Они под цветочным горшком, за коробкой со старыми чеками, в кармане куртки, которую никто не носит. И однажды от этого знания становится спокойно. Будто у тебя есть дорога назад.

— Назад куда?

— Туда, где тебя когда-то ждали.

— Вы говорите о доме?

— Я говорю о человеке. Но у людей удивительная привычка выдавать друг другу ключи как доказательство чувств.

Я не записал эту фразу. Мне хотелось увидеть, чем она закончится.

— У вас был ключ?

— Был доступ.

— Это не одно и то же.

— В обычной жизни — почти одно.

— А для вас?

Посетитель почесал край манжеты.

— Для меня теперь нет.

Снаружи послышался троллейбусный гул. Дорогу недавно

перекрывали, транспорт шёл по соседней улице, и я никак не привыкал к этим звукам.

— Расскажите о начале отношений, — предложил я.

— Там не было красивого начала. Не было музыки и первого свидания в кафе. Сначала было неудобство.

— Какое?

— Человеку нужна была помощь. Очень простая: дождаться, пока перестанут дрожать руки. В тот день в подъезде погас свет. Лифт не работал, лестница пахла пылью. Кто-то сидел на ступеньке между этажами и не мог попасть ключом в замок. Смешная, жалкая мелочь. Я говорю: «Принести воды?»

— И это стало началом?

— Нет. Началом стало то, что стакан не взяли.

Я представил тёмную лестничную клетку.

— Почему?

— Сказали: «Ты ведь не знаешь, что со мной».

— А вы знали?

— Нет. Но ответ был: «И не обязательно». Наверное, именно тогда всё и испортилось.

— Почему испортилось?

— Потому что иногда правильная фраза произносится по неправильной причине.

Я попросил пояснить.

— Тогда казалось, что можно помочь и ничего не требовать. Сесть рядом, послушать, сходить за водой. А потом

незаметно начинаешь ждать, что тебе за это доверят не только свою беду. Будто терпение даёт право на место в чужой жизни.

— Вам было важно стать необходимым человеком?

— Важно было, чтобы без меня стало трудно.

Мы оба услышали жёсткость этих слов. Посетитель не попытался их смягчить.

— Это уже похоже на контроль, — заметил я.

— Конечно. Вы быстро дошли до неприятного.

— Вы сами произнесли это.

— Вот поэтому я здесь.

Пауза затянулась. За стеной тихо щёлкнула батарея. Мне захотелось задать простой вопрос — были ли эти отношения взаимными? — но я уже понимал, что простой ответ меня не устроит.

— А второй человек что чувствовал?

— Сначала благодарность. Потом привычку. Потом — наверное, усталость.

— Почему «наверное»?

— Потому что про любовь мы умеем говорить от своего имени, а про усталость другого предпочитаем догадываться.

Я кивнул.

— Какие у вас были счастливые моменты?

Посетитель удивился.

— Вы действительно хотите о них услышать?

— Да.

— Все обычно ждут неприятностей.

— Без счастья трудно понять, за что человек держится.

В этот раз ответ пришёл без подготовки.

— По воскресеньям мы завтракали на кухне. В восемь тридцать. Не потому, что любили порядок. Просто сосед сверху в это время включал дрель, и спать становилось невозможно. Было две чашки — синяя и белая. Синяя с трещиной на ручке. Ею никто не хотел пользоваться, но почему-то она всегда оказывалась у меня. На плите убегала каша. Открывалось окно, потому что пахло подгоревшим молоком. И можно было целый час говорить о ерунде: где дешевле яблоки, кому позвонить, какой фильм посмотреть вечером.

Впервые рассказ не походил на загадку. Он был населён мелкими, ненужными для драматического эффекта вещами. Такие подробности обычно убеждают сильнее прямых признаний.

— Вы скучаете по этим завтракам?

— По тому, кем можно было быть в эти минуты.

— Каким человеком?

— Обычным. Без проверки телефона, без чужих догадок. Человеком, который просто не любит синюю чашку.

Посетитель рассмеялся, и я тоже улыбнулся.

— Почему же вы не брали белую?

— Белая принадлежала другому.

— И вам не позволяли?

— Позволяли всё. В этом, наверное, самая жестокая часть. Когда тебе ничего не запрещают, но устанавливаешь правила для себя, а потом обижаешься, что их соблюдаешь только ты.

Я представил кухню: окно, две чашки, каша, дрель. Трещина на ручке. Очень конкретный мир, который почему-то было трудно совместить с человеком, стоявшим за чужой дверью и слушавшим смех.

— Вы жили вместе?

Посетитель повернул телефон экраном вниз.

— Иногда совместная жизнь начинается раньше, чем люди договариваются об этом. Одна зубная щётка рядом с другой. Запасная футболка. Список продуктов на холодильнике.

— Я спрашивал о факте.

— Вопрос понятен.

И снова эта странная аккуратность: ни «да», ни «нет».

— Почему трудно ответить?

— Потому что позже выяснилось, что мы по-разному называли одни и те же вещи. У меня звучало «наш дом». В ответ — «моя квартира». У меня звучало «мы». В ответ — «мне сейчас нужна тишина». И обе стороны, возможно, говорили правду.

Меня заинтересовало последнее.

— Про тишину — так и звучало?

Посетитель отвёл глаза.

— Примерно. Смысл был именно такой.

Я не настаивал. Люди редко пересказывают самые болезненные слова буквально. Иногда заменяют их другими, чтобы сохранить самообладание.

— Что произошло с ключом?

— Его попросили вернуть.

— Вы вернули?

— Ключ оказался на столе.

— У кого на столе?

— У того, кому он принадлежал.

— Это не ответ.

— А вы сегодня настойчивее, чем в прошлый раз.

— Потому что вы рассказываете историю, в которой важны границы.

Посетитель чуть наклонился вперёд.

— Представьте: ключ лежит на столе, рядом с белой чашкой. Человек говорит: «Я не хочу ссориться. Просто оставь его». И ты оставляешь. Всё правильно, спокойно, по-взрослому. Потом выходишь, дверь закрывается. И только на улице понимаешь, что сумка с твоими вещами всё ещё внутри.

— Вы вернулись?

— Нет.

— Почему?

— Потому что уже было понятно, что дело не в сумке.

Мы помолчали.

— Куда делись вещи?

— Их потом передали через знакомых.

— Вы хотели бы их забрать лично?

— Конечно. Но не ради вещей.

— Ради новой возможности поговорить?

— Ради доказательства, что тот, кто отдаёт, хотя бы на секунду пожалеет.

На этот раз после ответа не прозвучало ни одного «но».

— И вы увидели сожаление?

— Нет. На пакете был список. Что внутри, в каком кармане зарядка, где лежит гарантийный талон. Всё очень аккуратно. Даже запасные батарейки положили.

— Это вас задело?

— Меня уничтожила именно аккуратность. Будто речь шла не о разрыве, а о возврате покупки в магазине.

У меня в голове сложилась одна история: человек, которого оставили, цепляется за быт и каждый предмет воспринимает как знак любви. Но уже через секунду я заметил слабость этой версии. Собеседник нигде не сказал, когда именно появилась просьба вернуть ключ. И кому принадлежали вещи.

— Вы говорите об одном человеке на протяжении всего рассказа? — спросил я.

Посетитель долго смотрел на меня.

— А почему их должно быть несколько?

— Потому что вы ни разу не связали эти события прямо.

— Это вы так внимательно слушаете или ищете ошибку?

— Пытаюсь не соединять за вас то, чего вы не соединяли.

Посетитель задумался.

— Хорошо. Значит, можно продолжать.

До конца сеанса оставалось около пятнадцати минут. Я попросил описать момент, когда близость впервые стала тревожить.

— Был один вечер, — прозвучало. — Мы сидели на кухне. Тот человек мыл чашку и сказал: «Ты слишком хорошо знаешь, что мне нужно». Это показалось похвалой.

— А это было не так?

— Теперь понимаю: просьба остановиться может звучать очень тихо.

— Что вы сделали тогда?

— Спрашиваю, чем помочь.

— И?

— А мне говорят: «Пожалуйста, не надо».

Посетитель замолчал.

— Вы остановились?

— Не сразу.

Это был первый за две встречи ответ, в котором не было попытки укрыться за красивой фразой.

— Что значит «не сразу»?

— Настаивать было удобнее, чем признать, что помощь не нужна. Продукты по-прежнему появлялись у двери, напоминания о лекарствах продолжались, вопросы о сне не прекращались. А потом мне сказали: «Мне кажется, за мной наблюдают».

— И за ним наблюдали?

— Замечалось всё.

— Это разные вещи.

— Вы уверены?

Я не ответил. Между внимательностью и наблюдением действительно лежит не действие, а граница: готов ли человек услышать «не надо».

— Вам удалось эту границу принять?

— Вот за этим, наверное, сюда и приходят.

Собеседник опустил взгляд на руки.

— Есть ещё кое-что. После того как ключ исчез, несколько недель покупки делались на двоих. Молоко, хлеб, яблоки. Пакеты приносились домой, и только там становилось ясно, что столько еды не нужно.

— Вам было одиноко.

— Возможно. Но однажды возникла другая мысль: мне нравилось представлять, что где-то кто-то тоже не может привыкнуть к пустому месту за столом.

В голосе я услышал злость на собственную надежду.

— Вы хотели взаимности даже в боли.

— Да. Так гораздо точнее.

Ближе к концу встречи я предложил маленькое упражнение. Не тест и не домашнее задание, а вопрос на неделю: когда захочется узнать, что делает тот человек, сначала спросить себя, какое чувство хочется этим знанием убрать.

— Страх, — мгновенно ответил посетитель.

— Какой?

— Что меня можно заменить.

— Это важнее, чем знать, где сейчас другой человек.

— Но от знания хотя бы на минуту становится легче.

— А потом?

— Потом нужно знать ещё больше.

Мы сидели в тишине, и я подумал, что на этот раз наше время потрачено не зря. Человек перестал прятаться за парадоксами и заговорил о страхе.

У двери посетитель задержался.

— Вы в прошлый раз спрашивали про ту квартиру, где смеялись.

— Помню.

— Там была синяя чашка. С трещиной на ручке.

Я невольно поднял голову.

— Вы видели её?

— Не в тот день.

— Откуда же знаете, что она там?

Посетитель помедлил.

— Потому что чашка оказалась там благодаря мне.

Дверь закрылась раньше, чем я придумал следующий вопрос.

Я остался сидеть, глядя на вторую чашку из своего чайного сервиза. Белую. Совершенно целую.

Всю встречу я мысленно расставлял вещи по полкам чужой кухни. И ни разу не спросил, кто там жил.

Вечером Анна принесла распечатки новых анкет.

— Кстати, — сказала она, — человек со второго приёма попросил передать вам одну вещь.

— Какую?

— Ничего не оставили. Просто попросили сказать: «Вы правильно помните лестницу. Но не тот этаж».

Я посмотрел на неё.

— Вы уверены, что именно так?

— Я записала.

Анна приклеила жёлтый листок к моему блокноту.

Я не рассказывал о лестнице в центре. До этой минуты мне даже не приходило в голову, что речь могла идти о ней.

ГЛАВА 03. Мне нравится, когда ревнуют

В среду мне позвонила женщина, с которой мы не разговаривали почти год.

Её звали Марина. Когда-то мы вместе вели городские встречи для семей, переживавших трудный период: развод, переезд, болезнь близкого. Я хорошо помнил её привычку начинать любой разговор с делового «вам удобно?», даже когда она собиралась сообщить что-то неприятное.

— Вам удобно? — спросила Марина.

— Смотря насколько срочно.

— Не очень. Я хотела узнать, не вы ли оставляли мой номер кому-то из знакомых.

— Нет. А что случилось?

— Ничего такого. Был звонок. Меня спрашивали, хорошо ли я вас знаю.

Я сел ровнее.

— Кто спрашивал?

— Не представились. Сказали, что хотят записаться к вам и проверяют рекомендации. Я ответила, что хороший специалист. Но потом мне стало не по себе.

— Почему?

— Последний вопрос был странный: «А он всегда заме-

чает, когда его обманывают?»

Я посмотрел на дверь кабинета.

— Что вы сказали?

— Что вы не детектор лжи.

Мы простились. Марина пообещала переслать номер, если найдёт его в истории вызовов. Я не стал говорить о новом посетителе: у меня не было права превращать догадку в чужую биографию.

Перед третьей встречей я решил не обсуждать звонок. Если он связан с моей работой, это нужно выяснять отдельно и осторожно. Если нет — мои подозрения могут стать частью проблемы, а не решением.

Посетитель вошёл ровно по времени.

— Сегодня вы выглядите невыспавшимся, — заметил человек, усаживаясь.

— Бывает.

— Вы тоже говорите «бывает», когда не хотите отвечать?

— А вы тоже переводите разговор, когда волнуетесь?

— Мне нравится, что вы это замечаете.

Я предложил вернуться к теме наблюдения.

— В прошлый раз вы сказали, что знание о другом человеке облегчает страх, но ненадолго.

— Да.

— Бывают моменты, когда вы специально хотите вызвать ответную реакцию?

— Например, ревность?

— Например.

Собеседник посмотрел на меня с неожиданным облегчением.

— Мне нравится, когда ревнуют.

Фраза прозвучала так спокойно, что потребовалась пауза, чтобы услышать её смысл.

— Что именно нравится?

— В этот момент невозможно сделать вид, что тебе всё равно.

— Но ревность не обязательно означает любовь.

— Знаю. Иногда она означает страх потерять привычное. Иногда — желание владеть. Но в ту секунду, когда человек спрашивает «где ты пропадаешь?», появляется доказательство: моё отсутствие заметили.

Посетитель почти беззвучно постучал пальцем по подлокотнику.

— Когда у тебя годами спрашивают только «купишь хлеб?», вопрос «почему тебя так долго нет?» вдруг звучит как признание.

— А если вопрос задают из тревоги?

— Разве тревога не бывает частью любви?

— Бывает. Но не всякая тревога даёт право контролировать.

— И снова вы о правах.

— Потому что последствия бывают реальными.

Собеседник чуть наклонился вперёд.

— Тогда расскажу вам об одном вечере. Я хочу, чтобы вы сначала просто выслушали.

История началась с фотографии.

На ней ничего не происходило. Двое людей стояли на фоне окна, один держал бокал, другой смеялся. В углу кадра виднелась чья-то рука. Фотография была сделана на празднике, где все знали друг друга, кроме одного гостя.

— И что в ней вас задело? — спросил я.

— Подпись. «Наконец-то рядом те, с кем легко».

— Вы восприняли её на свой счёт?

— Не сразу. Сначала была мысль, что это просто хорошая фотография. Потом обнаружилось, что она опубликована в одиннадцать сорок восемь. А в одиннадцать сорок семь мне написали: «Ложусь спать».

— Вы сравнили время.

— Получилось две версии одного вечера.

— И решили, что вам солгали.

— Конечно.

— Что вы сделали?

— Пишу: «Как прошёл вечер?»

— Получили ответ?

— «Спокойно». Я повторяю вопрос.

Я видел, как человек ждёт моей реакции. В рассказе легко было занять сторону: кто-то сообщил о сне, но оказался на вечеринке. Однако чужая фотография не доказывает ни времени съёмки, ни намерений человека, не доказывает да-

же, что люди были вместе в ту минуту, когда появилось сообщение.

— Фотография могла быть опубликована позже, — сказал я.

— Именно так мне и ответили.

— И это могло быть правдой.

Посетитель поднял руки.

— Вы на их стороне.

— Я не знаю, какие факты нам известны. Вы рассказываете о боли. Я пытаюсь отделить её от доказательств.

— А если мне было больно независимо от того, когда сделали снимок?

— Тогда это и есть важная часть истории.

Впервые человек напротив отвернулся не к окну, а к стене. На ней висела неприметная репродукция: пустая дорожка в осеннем парке. Обычно никто не обращал на неё внимания.

— Меня больше всего ранит не ложь, — прозвучало наконец. — Меня ранит, что у другого есть жизнь, где мне не отведено место.

— Вы говорили об этом прямо?

— Да. Один раз.

— Что услышали?

— «Мне нужно хотя бы что-нибудь, чего ты не знаешь».

Последние слова прозвучали тише. Я дал им повисеть между нами.

— И как вы ответили?

— В ответ прозвучала просьба назвать хотя бы одну вещь, о которой мне нельзя знать.

— Что произошло?

— Человек сказал: «Вот именно».

Посетитель усмехнулся.

— Тогда мне это показалось несправедливым. Теперь понимаю: когда просишь перечислить секреты, ты уже требуешь доступа к ним.

— Что было потом?

— Начались проверки.

Это прозвучало без попытки оправдаться.

— Какие?

— Время появления в сети. Новые подписки. Кто ставит сердечки под фотографиями. Маршруты по знакомым улицам. Бесконечные мелочи, из которых хотелось собрать одну ясную картину.

— Вам удавалось?

— Нет. Чем больше становилось деталей, тем меньше становилось понимания.

— Вы рассказывали другому человеку о проверках?

— Иногда. В форме заботы.

— Например?

— «Почему так поздно, всё нормально?» Или: «Телефон был недоступен, пришлось поволноваться».

Посетитель остановился и поправился:

— Так это звучало. Подходящие слова находились всегда. Важнее было то, зачем задавался вопрос.

— А зачем задавался?

— Чтобы услышать объяснение. И проверить, совпадёт ли оно с моей версией.

— Если не совпадало?

— Был новый вопрос.

— Если совпадало?

— Всё равно был новый вопрос.

Я посмотрел на телефон у края стола.

— Был момент, когда вы поняли, что перешли черту?

Посетитель почти сразу кивнул.

— Один вечер. Человек оставил телефон на столе и пошёл в душ. Экран загорелся. Удалось увидеть только начало сообщения: «Спасибо за вчерашнее…»

— Вы прочитали переписку?

— Нет.

Я не спешил с облегчением.

— Почему?

— Телефон забрали раньше.

— И что вы сказали?

— «Кто это?»

— А вам ответили?

— Да. «Не твоё дело».

Посетитель уставился на пол.

— Мне до сих пор стыдно: тогда сильнее самой попыт-

ки подсмотреть меня задел чужой тон. Будто мне отказали в том, что по умолчанию полагается близкому человеку.

— Что вы сделали?

— После этого я начинаю ссориться.

— Вы помните, о чём спорили?

— О доверии. Представляете? Требование доверия прозвучало после попытки прочитать чужое сообщение.

Я не ответил. Иногда человек сам формулирует противоречие точнее любого специалиста.

— Чем закончилась ссора?

— Тишиной. Самой страшной из возможных. Не было ни крика, ни примирения. Человек сел на край дивана и сказал: «Я не могу всё время доказывать, что ничего плохого не делаю».

Эту фразу посетитель произнёс почти шёпотом.

— Что вы почувствовали?

— Не жалость. Ужас, что сейчас меня попросят уйти.

— И попросили?

— Не в тот день.

Я поймал себя на том, что мысленно выстраиваю последовательность: фотография, проверки, ссора, ключ, дверь. Но у меня всё ещё не было уверенности, что эти события действительно относятся к одной связи.

— Раньше вы говорили, что любили вызывать ревность, — напомнил я. — А сами трудно переносили её.

— Это одно и то же.

— Объясните.

— Когда ревнуют меня, я знаю, что без меня трудно. Стоит мне начать ревновать, и эта уверенность пропадает.

— И что тогда делаете?

— Иногда нарочно заставляю ревновать ещё сильнее. Чтобы получить подтверждение в ответ.

— Как?

Посетитель рассказал о выдуманном приглашении на ужин. О сообщении, на которое будто бы не было времени ответить. О том, как можно оставить телефон на виду и ждать, когда на него посмотрят. Ничего из этого не представлялось человеку тогда жестоким: всё казалось игрой.

— Вы хотели причинить боль?

— Хотелось увидеть реакцию.

— Боль тоже реакция.

— Я знаю это теперь.

За окном проехала машина с громкой музыкой. Песня на мгновение ворвалась в кабинет, и собеседник резко повернулся к окну.

— Знакомая композиция? — спросил я.

— На ней однажды оборвался разговор.

— Какой?

— Неважно. Это будет позже.

— Вы часто повторяете, что расскажете что-то позже, — заметил я. — Вам важно управлять порядком истории?

— Если рассказать сразу конец, вы будете слушать начало

совсем другими ушами.

— Возможно. Но вы не обязаны делать из разговора загадку.

Посетитель впервые выглядел задетым.

— Для вас это загадка. Для меня это жизнь.

— Вы правы. Я сказал неудачно.

Я отложил блокнот. Надо было услышать ответ, прежде чем задавать следующий вопрос.

Собеседник глубоко вдохнул.

— Спасибо.

Мы вернулись к той фотографии.

— Вы потом узнали, кто был на празднике?

— Да.

— Это изменило ваше отношение?

— На время.

— Почему только на время?

— Потому что вскоре нашёлся другой повод.

— То есть проблема была не в фотографии.

— Я это понимаю, — сказал посетитель. — Но вам легко понимать. Вы не стояли на кухне в два ночи и не ждали, пока человек скажет, что вы важнее всех остальных.

Я взглянул на блокнот.

— Вы вправе ждать близости. Но вы не можете получить её принуждением.

— А если человек сам поддерживал эту игру?

— Тогда ответственность может быть сложнее, чем одна

роль виновного. Но чужое участие не отменяет ваших решений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.